

Евгений Будде

**О говорах Тульской и
Орловской губерний**

**Материалы, исследование и
словарь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Е14

Е14 **Евгений Будде**
О говорах Тульской и Орловской губерний: Материалы, исследование и словарь / Евгений Будде – М.: Книга по Требованию, 2021. – 152 с.

ISBN 978-5-518-06083-8

ISBN 978-5-518-06083-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1902 года я предпринялъ, по порученію Академіи Наукъ, которая снабдила меня необходимыми матеріальными средствами, путешествіе съ цѣлью діалектологическихъ изслѣдованій.

Напомню читателю прежде всего планъ моихъ предположенныхъ изслѣдованій въ центральной Россіи, а затѣмъ сообщу о выполненіи самаго плана. Начавъ свои подробныя изслѣдованія русскихъ говоровъ съ Рязанской губерніи въ 1891 году, я въ теченіе отъ 1891 до 1895 года занимался изученіемъ рязанскихъ говоровъ и пришелъ къ убѣжденію, что въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губерніи мы имѣемъ два типа говоровъ: южнорязанскій говоръ и сѣверный рязанскій въ за-окской части губерніи, въ предѣлахъ Касимовскаго уѣзда. Послѣдній по говору своему рѣзко отличается отъ южнорязанскаго, главнымъ образомъ, тѣмъ, что сохранилъ въ себѣ признаки сѣвернаго произношенія: здѣсь мы имѣемъ слѣды *оканья*, *цоканье* и *чѣканье*, стяженіе *ласныхъ* въ глаголахъ; кромѣ того, — *извѣстные дифтонги*, своеобразную *домоту*, мѣну *е* и *у*, *ѳ* и *х*, *ть* въ 3 л. глаголовъ. Южнорязанскіе говоры имѣютъ не всѣ эти черты: здѣсь прежде всего мы замѣчаемъ *полное аканье* (*вадѣ*, *вялѣ*, *вадѣ*, *сямѣ*), чего нѣтъ въ сѣверно-рязанскомъ говорѣ въ такой по-

слѣдовательности и исключительности; напротивъ того, здѣсь нѣтъ вовсе *цоканья* и *чѣканья*, нѣтъ слѣдовъ *оканья*, рѣже *стяженіе гласныхъ* въ глаголахъ, нѣтъ *дифтонговъ*, нѣтъ известнаго вида *домоты*, рѣже мѣна *о* и *у*. Общими чертами двухъ этихъ говоровъ остаются главнымъ образомъ: 1) *аканье* различныхъ отгѣнковъ, 2) замѣна звука *ѣ* звукомъ *я* и *х*, 3) *ть* въ 3 л. глаголовъ, 4) мягкое *к* послѣ мягкаго согласнаго или *і*. Тогда же я призналъ необходимымъ, въ виду указаній нашей лѣтописи, а равно въ виду данныхъ сравнительнаго изученія русскихъ говоровъ данной мѣстности, усматривать въ сѣверно-рязанскомъ произношеніи указанія на произношеніе бывшихъ здѣсь нѣкогда вятичей, оттиснутыхъ движеніемъ южныхъ племенъ за Оку, въ Касимовскій уѣздъ, и подвергшихся здѣсь вліанію говора сѣверныхъ руссовъ, своихъ сосѣдей.

Черты вятичскихъ, южнорязанскихъ говоровъ, находимыя и за Окой, въ Касимовскомъ уѣздѣ, не оставляли во мнѣ сомнѣнія насчетъ того, что вятичей нужно искать и въ этой части Окскаго бассейна, а не только въ нынѣшней Калужской, Орловской и Тульской губерніяхъ. Считая южнорязанскій говоръ потомкомъ говора древнихъ вятичей *по преимуществу*, я хотѣлъ прослѣдить распространеніе этого говора и привезти въ связь указанія лѣтописи насчетъ поселенія древнихъ вятичей по Окѣ съ указаніями современной діалектологіи въ предѣлахъ нынѣшнихъ Тульской, Калужской и Орловской губерній, т. е. въ предѣлахъ тѣхъ губерній, которыя вмѣстѣ съ изслѣдованной мною раньше Рязанской губерніей лежатъ въ бассейнѣ рѣки Оки съ ея притоками. Поэтому для меня представлялось весьма важнымъ проѣхать по мѣстностямъ, расположеннымъ по всему теченію Оки и ея ближайшимъ притокамъ. Такъ возникло у меня непреодолимое желаніе объѣхать Тульскую губернію и прилежащія уѣзды Калужской губерніи, а затѣмъ прослѣдить говоры и въ Орловской губерніи. Это желаніе мнѣ удалось осуществить частями: въ 1898 году я съѣздили въ Тульскую и Калужскую губерніи, а нынѣшнимъ лѣтомъ въ Тульскую и Орловскую. Въ промежу-

токъ времени между 1896 и 1898 годами я съѣздили въ Вятскую губернію, но мои изслѣдованія тамъ еще не кончены, и мысль о причинахъ сходства говоровъ въ нынѣшней Вятской губерніи и въ нынѣшнемъ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи до сихъ поръ осталась у меня еще не развитою вполне, такъ какъ еще мало у меня матеріала по вопросу о вятскихъ говорахъ. Зато матеріалъ, собранный мною въ Тульской и Калужской губерніяхъ, а также — нынѣшнимъ лѣтомъ — въ Орловской губерніи, даетъ мнѣ полное основаніе, думаю, высказать слѣдующее заключеніе: говоръ всѣхъ перечисленныхъ мѣстностей *въ основѣ своей — одинъ*, т. е. *южнорязанскій*, но съ различными отгѣнками, приобретаемыми этими говорами по мѣрѣ ихъ удаленія отъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи: эти отгѣнки то придаютъ говору характеръ *смѣшаннаго*, какъ напр., за Окой, въ Касимовскомъ уѣздѣ, то сами получаютъ значеніе *наслоеній* на древній говоръ вятичей, причемъ этотъ древній говоръ то болѣе, то менѣе сохраняетъ свои черты, смотря по условіямъ жизни и мѣстности. Такъ, Касимовскій говоръ имѣетъ *дифтонги*, въ южнорязанскомъ ихъ нѣтъ; они уже исчезли, какъ видно по нѣкоторымъ даннымъ (см. мой «Отчетъ» 1898 года), и въ Тульскихъ говорахъ, гдѣ однако мы видимъ звукъ *с* вмѣсто *ц*, неизвѣстный ни южнорязанскимъ говорамъ, ни Касимовскому. Въ Тульскихъ говорахъ на западѣ появляется звукъ *е*, не смягчающій предшествующую согласную, и этотъ звукъ идетъ также въ Калужскую губернію, но его мы не слышали въ рязанскихъ говорахъ. Здѣсь-же мы встрѣчаемъ все чаще и удвоеніе согласнаго звука передъ *ѣ*, которое переходитъ въ согласный звукъ, уподобляясь предшествующему согласному; это явленіе изрѣдка встрѣчается и въ Орловскихъ говорахъ, причемъ — *чѣмъ западнѣе, тѣмъ чаще мы встрѣчаемъ въ Орловской губерніи произношенія: мыю, крыю, шыя, крышка* (= крѣшка), *шыю* и *под*. Въ Брянскомъ же уѣздѣ мы встрѣчаемся съ элементами, несомнѣнно также чуждыми типу южнорязанскихъ говоровъ, съ элементами, свидѣтельствующими о говорахъ *другого* племени, *не вятичей*:

это элементы какихъ-то умѣренно-акающихъ говоровъ, какъ я думаю, говоровъ, восходящихъ къ древнимъ *сѣверянамъ*.

Такимъ образомъ, я думаю, что, въ виду исключительности дифтонговъ Касимовскаго говора и въ виду цоканья и чеканья его, надо признать, что вятичи въ древности имѣли въ своемъ говорѣ эти дифтонги, такъ какъ ихъ неоткуда было взять, подобно цоканью и чеканью, по сосѣдству. Эти звуки сохранились лишь въ Заочьи, а въ другихъ мѣстахъ эти звуки подверглись частью видоизмѣненію, частью уtratѣ, причемъ слѣды говора вятичей мы усматриваемъ и въ этихъ мѣстахъ, въ особенномъ произношеніи шипящаго ч и въ образованіи особой *долготы* на мѣстѣ вятичскихъ дифтонговъ. Полагаю, что подъ сѣверянами надо подразумѣвать то племя, которое обнаружило свое вліяніе на южнорязанскій типъ говора въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Черниговской губерніи. Думаю, что *звукъ е*, найденный нами въ Бѣлевскомъ у., Тульской губ. и въ Лихвинскомъ у., Калужской губерніи, а также особый типъ *аканья*, образовавшійся въ Орловской губерніи на почвѣ сильнаго *аканья*, слѣды котораго, какъ и вятичскіе дифтонги, еще замѣтны на югѣ Тульской губ. и на сѣверѣ Орловской, а затѣмъ *удвоеніе согласнаго* изъ группы согласный $-j$ и *формы: рѣю, мѣю*, а также *звукъ с вмѣсто ц* — должны быть признаны *сѣверскими элементами*, внесенными въ вятичскій говоръ сѣверской колонизаціей. Особенно важно то, что характеръ *аканья* южнорязанскій извѣстенъ намъ *только въ южнорязанскихъ уездахъ*: ни Тульское, ни Калужское, ни Орловское *аканье*, ни *аканье* Касимовское не могутъ быть признаны тождественными съ южнорязанскимъ *аканьемъ*. Такимъ образомъ, *вятичское аканье* (полное) приобрѣло въ разныхъ направленіяхъ разные оттѣнки, какъ и *вятичскіе дифтонги* и *вятичскіе средніе звуки между ч и ц*, легко обратившіеся подъ вліяніемъ сосѣдей въ *цоканье* и *чеканье*. Когда возникло сомнѣніе относительно того, считать-ли вятичами, или сѣверянами колонистовъ нынѣшней Рязанской губерніи, то понадобилось сравнительное изученіе говоровъ Рязанской, Тульской, Калужской,

Орловской и Черниговской губерній. Мнѣ удалось доѣхать до границы Орловской и Черниговской губерній, до Мглинскаго уѣзда, откуда меня выгнали непрерывные дожди и размытыя дороги: во многихъ мѣстахъ (въ Брянскомъ уѣздѣ) приходилось ѣхать по болотамъ въ лѣсу, и мнѣ отсовѣтовали ѣхать далѣе въ виду невозможности проѣхать даже и верхомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о говорѣ Черниговскихъ сѣверянъ остается для меня открытымъ, и мнѣ оказалось не подъ силу за одну поѣздку обследовать *до* губерніи, тѣмъ болѣе, что я, желая методически продолжать свои изслѣдованія съ того пункта, на которомъ я остановился въ 1898 году, началъ свои работы съ Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи, гдѣ и пробылъ цѣлую недѣлю, изучая говоры этого уѣзда. Въ это время мнѣ погода благопріятствовала, и я сдѣлалъ довольно много, благодаря содѣйствію мѣстной полиціи и земскаго врача, а въ Орловской губерніи оказались такія дебри (въ особенности въ Брянскомъ уѣздѣ), что я ограничился только Мценскимъ, Орловскимъ, Карачевскимъ и Брянскимъ уѣздами, которые меня болѣе интересовали, но и здѣсь успѣху моему много препятствовали небывалые дожди и плохія вслѣдствіе этого дороги. Нѣтъ никакого сомнѣнія однако, что болѣе всего въ Брянскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемся съ элементами сѣверскаго говора, а въ остальномъ районѣ мы имѣемъ смѣшанный говоръ, въ которомъ мы узнаемъ видоизмѣненную со временемъ вятичскую основу, т. е. слѣды полного аканья, слѣды дифтонговъ и очень мягкое ч, т. е. особенности, полиѣе всего сохранившіеся въ Рязанской губерніи; такъ точно, какъ слѣды сѣверскихъ говоровъ должны были наиболѣе сохраниться въ лѣсистыхъ мѣстахъ соприкосновенія вятичей и сѣверянъ, въ нынѣшнемъ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Такимъ образомъ, сравненіе съ говоромъ Касимовскаго уѣзда руководило нами въ теченіе всей нашей поѣздки, причемъ мы не забывали, что говоръ Касимовскаго уѣзда есть уже видоизмѣненный говоръ вятичей, но видоизмѣненный вліяніемъ не сѣверянъ, а повгородцевъ. Южно-же рязанскій говоръ — говоръ вятичей, видоизмѣненный

вліяніємъ сѣверянъ, но менѣе видоизмѣненный, чѣмъ Касимовскій — новгородцами и чѣмъ Тульскій, Калужскій и Орловскій — сѣверянами. Всѣ же эти говоры въ своей основѣ — говоры древнихъ вятичей.

Говоръ Тульской губерніи и прилежащихъ уѣздовъ Калужской губерніи описанъ мною раньше, въ 1898 году; теперь я буду описывать говоры оставшейся раньше (съ 1898 года) неизслѣдованною части Тульской губерніи, т. е. говоры Новосильскаго уѣзда, а затѣмъ перейду къ говорамъ Орловской губерніи. Скажу предварительно только нѣсколько общихъ соображеній о народѣ и говорахъ, съ которыми я познакомился нынѣшнимъ лѣтомъ. Мнѣ еще раньше указывали на Новосильскій уѣздъ, какъ на самое глухое мѣсто въ губерніи, гдѣ особенно интересны костюмы и обряды, а потому я, ожидая и отъ говора этой мѣстности особеннаго интереса, задумалъ еще въ 1898 году лично познакомиться съ жителями этого уѣзда. Съ этою цѣлью я теперь и отправился непосредственно въ этотъ уѣздъ: добрался до станціи *Залеишь* Орловско-Грязской дороги, а отсюда поѣхалъ въ Новосиль, чтобы попросить исправника о содѣйствіи, такъ какъ официально я былъ командированъ не въ Тульскую губернію, а въ Орловскую и Черниговскую, согласно моей программѣ изслѣдованій, представленной мною во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ. Въ нынѣшнемъ году я особенно нуждался въ содѣйствіи полиціи, въ виду исключительныхъ условій крестьянской жизни, сознавая всю опасность своей командировки «въ народъ» по причинамъ, хорошо извѣстнымъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ¹⁾. Я не ошибся въ расчетахъ: мое обращеніе непосредственно къ исправнику въ г. Новосиль открыло мнѣ свободный доступъ къ крестьянамъ и доставило мнѣ возможность свободного обращенія среди крестьянскаго населенія. Кромѣ того, мнѣ пришлось практико-

1) Въ Новосилѣ я случайно встрѣтился съ членомъ одной этнографической экспедиціи отъ Музея императора Александра III-го; этотъ членъ, въ ожиданіи своего патрона, поселился въ Новосилѣ, но послѣ моего отъѣзда оттуда потерпѣлъ почему-то рядъ непріятностей со стороны полиціи.

вать въ нынѣшнемъ году необычный способъ знакомства съ крестьянами путемъ вызова крестьянокъ въ разныхъ костюмахъ на мѣсто моего пребыванія, въ ближайшій городъ. Этотъ способъ, хотя и неудобный для крестьянъ, тѣмъ не менѣе оказался въ нынѣшнемъ году очень удобнымъ и по соображеніямъ общаго характера, и по моимъ личнымъ соображеніямъ, и по случаю дождливой погоды и бездорожья. Кромѣ этого, я пользовался, конечно, обычнымъ своимъ приѣмомъ записи народной рѣчи въ амбулаторіяхъ у земскихъ врачей, гдѣ всегда ведется *непринужденная* бесѣда съ народомъ по поводу его болѣзней. Нигдѣ однако мнѣ не удалось повидать столько разныхъ типовъ и костюмовъ, какъ въ Новосильскомъ уѣздѣ, гдѣ, благодаря содѣйствію исправника, ко мнѣ въ теченіе недѣли приходили изъ разныхъ мѣстъ, согласно моему указанію и собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, бабы, дѣвки и молодайки въ своихъ праздничныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ. Эти костюмы вызвали громадный интересъ во мнѣ, а любезная услуга со стороны мѣстнаго ветеринарнаго врача г. Свенцицкаго, фотографа-любителя, явилась для меня прямо незамѣнимой, и вотъ я, благодаря любезности этого врача, привезъ съ собою снимки съ крестьянокъ Новосильскаго уѣзда: у меня имѣются снимки съ крестьянки-невѣсты, крестьянки-дѣвушки, молодайки въ разныхъ уборахъ изъ разныхъ мѣстъ уѣзда. Но какъ бы характерны костюмы и головные уборы ни были, всетаки здѣсь имѣется одинъ типъ *панёвы* изъ четырехъ «полотенъ» со вшивнымъ «полотномъ» другого цвѣта спереди. (Какъ и въ Рязанской губерніи). Дѣвицы здѣсь носятъ особая *полосатая* юбки.

Въ Орловской же губерніи мы встрѣчаемся впервые въ Карачевскомъ уѣздѣ съ особой «панёвой» изъ *трехъ* полотнищъ, не сшивной на подобіе юбки, а оборачивающей женскую фигуру на подобіе малороссійской *плахты*, съ широкимъ просвѣтомъ спереди, гдѣ видна прямо рубаха. Передъ закрывается «занавѣской» («запономъ», «хвартукомъ»), а сзади на «панёвѣ» вышитыя «призументами» полосы то во всю длину панёвы, то въ верхней части

ея, обычно по двѣ полосы. Подолъ панёвы оканчивается болѣе или менѣе широкой «пакрасѣй», доходящей въ ширину до пяти вершковъ, съ «празументами». *Здѣсь и двѣицы носятъ панёвы.* Главные уборы замужнихъ женщинъ не менѣе интересны здѣсь, чѣмъ въ Новосильскомъ уѣздѣ, но они совершенно другіе: тамъ женщина носить *сороку* и *опушины* (см. ниже) съ *кичкой* (см. ниже), а здѣсь такихъ сорокъ нѣтъ, и головной уборъ женщины дѣлается изъ *полотенца* съ прекрасно вышитыми *концами* (образцы я купилъ), причемъ одинъ конецъ приходится на лбу и образуетъ родъ шапочки, подобный тѣмъ, которыя мы видимъ на грузинахъ и армянахъ, а другой конецъ виситъ сзади по спинѣ. Подъ это полотенце подкладываются другія принадлежности, какъ и въ Новосильскомъ уѣздѣ, причемъ всѣ принадлежности имѣютъ свои названія (см. ниже) и украшены бисеромъ, позументами, лентами и проч. На шеѣ — цѣлый рядъ бусъ («нѣски»), бисерналъ «чяпѣчка» съ крестомъ, который иногда носится на «шитаніи» (шерстяной шнурочекъ по формѣ-городками — чернаго цвѣта), а иногда на «чяпцѣ» (= цѣпочкѣ), и виситъ низко на груди. Иногда цѣпь — безъ креста.

По обыкновенію я выбиралъ для своихъ бесѣдъ крестьянъ *вольныхъ* селъ и деревень, а не *барскихъ*, помѣщичьихъ, и въ Новосильскомъ уѣздѣ *первые* узналъ, что крестьяне вольныхъ селъ именуютъ себя *казаками* и *казѣчками*, чего я не встрѣчалъ въ другихъ губерніяхъ и не встрѣтилъ и въ Орловской.

Въ мѣстномъ полицейскомъ правленіи въ Новосилѣ есть довольно богатый архивъ, но не разобранный и не описанный; между прочими дѣлами я встрѣтилъ нѣсколько дѣлъ, откуда видно, что въ 1786 году въ с. Нижней Залегощи крестьяне именovali себя *казаками*: «Въ Новосильской Нижней Земской Судъ Новосильской округи села Нижней Залегощи отъ казака Якова Фомина (Хомина) сына Посникова объявленіе». Въ другой тетради я нашелъ жалобу на казака Новосильской округи села *Скорднаго* (нынѣ с. *Скорѣдное*) 1783 года. Въ одномъ дѣлѣ упоминается экономическое село *Задушиное* и подпись: «руку прило-

жилъ», гдѣ мы видимъ интересное фонетическое явленіе въ словѣ *«приложилъ»*. (См. ниже — записи). Въ это же время уже (въ 1786 году) здѣсь называлось *«распрáвою»* полицейское правленіе, и это слово и понынѣ извѣстно здѣсь, напр., въ с. Верхней Залегощи, гдѣ постоянно называютъ *«распрáва»* — родъ присутственной избы при волостномъ правленіи для схода или обсужденія какихъ-либо крестьянскихъ дѣлъ: «Пайдѣмъ въ распрáву».

По сообщенію мѣстнаго земскаго врача, и теперь волости: Каменская, Средненская, Залегощинская, Березовская, Косаревская называются «казацкими», тамъ живутъ «казаки». Но сами крестьяне не знаютъ происхожденія своего названія и не знаютъ даже его значенія, какъ мнѣ удалось убѣдиться при бесѣдахъ, а бывали случаи даже и такіе: на мой вопросъ: «вы казáчки?» Мнѣ отвѣчали: «Нѣтъ, мы зѣдѣшныѣ». Въ Судьбищенской волости Новосильскаго уѣзда есть двѣ деревни: Верхняя и Нижняя *Сторожеская*; само названіе показываетъ, что здѣсь нѣкогда была граница и сторожевой постъ для защиты отъ вторженій со стороны южныхъ степей.

Охваченный глубокимъ интересомъ къ изученію языка того народа, въ среду котораго я попалъ нынѣшнимъ лѣтомъ, я поставилъ себѣ задачу уяснить и, по возможности, рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) нынѣшняя Орловская губернія по преданію есть мѣсто поселенія древнихъ вятичей и сѣверянъ. Поэтому мнѣ желательно было узнать, есть-ли въ нынѣшней Орловской губерніи признаки говора, найденнаго мною въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и признаннаго вятичскимъ. Говоръ нынѣшней Орловской губерніи заключаетъ-ли въ себѣ по преимуществу признаки Рязанскаго говора, т. е. признаки, общіе южнымъ и сѣвернымъ рязанскимъ говорамъ, или признаки какого-либо другого говора, но не рязанскаго въ его разныхъ видахъ, и не того, который теперь слышится по Окѣ и ея притокамъ въ Тульской, Калужской губерніи и въ Рязанской? 2) Сохраняется-ли теперь въ Орловской губерніи слѣдъ смѣшаннаго населенія вятичей и сѣверянъ въ говорѣ мѣстныхъ крестьянъ? Какіе при-

знаки говора нынѣшней Орловской губерніи роднятъ этотъ послѣдній говоръ съ говоромъ рязанскимъ, и какіе служатъ его особенностями сравнительно съ послѣднимъ? Особенности эти должны быть отнесены на счетъ говора сѣверянъ и, по сравненіи послѣднихъ съ особенностями говоровъ Рязанскихъ, Тульскихъ и Калужскихъ (частью Смоленскихъ), должны представить собой данныя для характеристики говора сѣверянъ, который долженъ слышаться и въ нынѣшней Черниговской губерніи по Сожи и Деснѣ. Такое изслѣдованіе говоровъ нынѣшней Орловской и Черниговской губерній сравнительно съ говорами перечисленныхъ выше губерній дало-бы надежныя основанія для отличія говора древнихъ вятичей въ перечисленныхъ выше губерніяхъ (Рязанской, Тульской, Калужской, отчасти Орловской и Смоленской) отъ говора сѣверянъ въ Орловской и Черниговской губерніяхъ, а отчасти, стало быть, по сходству признаковъ, и въ Калужской и Тульской. Въ Черниговской губерніи, какъ сказано выше, мнѣ еще не удалось побывать, но уже на границѣ ея (Мглинскій у.) я былъ и имѣлъ случай говорить и съ крестьянами Мглинскаго и Новгородъ Сѣверскаго уѣздовъ, прїѣзжавшими на богомолье въ монастырь (Клѣтня) въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, на границѣ съ Мглинскимъ уѣздомъ Черниговской губерніи. Могу пока только сказать, что я по говору этихъ крестьянъ не могъ отличить въ нихъ черниговцевъ: такъ сходно они говорятъ съ крестьянами Брянскаго уѣзда Орловской губерніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ я былъ (*Акулицкая* волость — уголь, въ которомъ сходятся три губерніи: Смоленская, Орловская и Черниговская).

Принимая во вниманіе ниже приводимыя записи народныхъ говоровъ, я пришелъ къ заключенію, что, если считать признаками вліянія *сѣверскихъ* говоровъ тѣ особенности, которыя образовались въ говорахъ по преимуществу въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ Орловской губерніи, въ противоположность рязанскимъ говорамъ, то надо отрицать сѣверскую колонизацію на такое далекое пространство, какъ нынѣшняя Рязанская губернія; въ